РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2001, № 1, с. 27–36

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА

© 2001 г. В. Д. Гупало

Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины, Львов

В ходе исследования раннесредневековой керамики Прикарпатья и Волыни было выявлено большое количество знаков на днищах сосудов. При этом отмечен ряд новых данных, позволивших обратиться вновь к несколько позабытой, но все так же дискуссионной проблеме о причине присутствия на гончарной посуде знаков.

Рельефные знаки на днищах горшков – неразгаданный феномен гончарства в славянском мире[1]. Существующая обширная историография вопроса отражает попытки исследователей пролить свет на проблему генезиса гончарных клейм, их периодизацию, эволюцию, семантику и функцию. Сравнивая первые публикации единичных находок клейм с современными многочисленными коллекциями знаков, видим, как в научной мысли постепенно формировалась интерпретация клейм, пройдя путь от "знаков загадочных" до знаков обыденных, связанных с повседневной жизнью. Появляющиеся по мере освоения материала мнения о назначении гончарных клейм не представляются бесспорными и продолжают оставаться на уровне более или менее обоснованных гипотез. Основные из них определяют функцию знаков следующим образом: магические знаки, посвященные Божеству (Тышкевич К.П., 1865, с. 121, табл. VII–XI); знаки домовой собственности (Котляревский А.А., 1865, с. 245); знаки-метки гончаров (Kostrzewski J., 1925, s. 117; Мансуров А.А., 1946, с. 293–297; Hołubowicz W., 1947, s. 11; Рыбаков Б.А., 1948, с. 175–181, 364–492); знаки Рюриковичей – знаки юридической зависимости гончаров от князя (Рыбаков Б.А., 1940, с. 227–257); знаки заказчиков (Розенфельд Р.Л., 1963, с. 121–130), знаки в виде креста – клейма зависимых от церкви мастеров (Zápotocký M., 1965); знаки мастеров, связанные с огненной стихией производства (Тухтина Н.В., 1960, с. 155; Szymański W., 1968, s. 219–223); магические символы-обереги мастеров (Толочко П.П., 1981, с. 298); магические знаки (Makiewicz N., 1973, s. 217–222; Vaňa Z., 1973, p. 196–217; Кочкина А.Ф., 1983, с. 69–91); знак Y тождествен кресту и в начале христианства – эмблема какой-то христианской секты, а позже – эстетический элемент (Krandžalov D., 1963, p. 29–142); сначала магические знаки, позже клейма мастеров (Tabaczyński S., Buko A., 1981, s. 163); торговые марки и знаки различия продукции нескольких гончаров в одном горне (Lepówna B., 1962, s. 235–239); знаки, обозначающие емкость сосуда (Mackerle J., 1955, s. 88); контрольные знаки на горшках, предназначенных для уплаты дани (Kołos-Szafrańska Z., 1961, s. 174); контрольные знаки на сосудах, облагавшихся гончарной пошлиной (Гензель В., 1986, с. 32–321, рис. 101); магический символ-оберег гончарного круга и сосуда (Buko A., 1982, s. 102; 1999, с. 170–176).

Известны попытки отождествления гончарных клейм со знаками на раннесредневековых монетах (Kołos-Szafrańska Z., 1953, s. 186, 187; дискуссию по этому поводу см.: Suchodolski S., 1966, s. 438–440; Kołos-Szafrańska Z., 1966, s. 440–443; Szymański W., 1968, s. 219–223) и даже использования их в качестве хронологических индикаторов, правда, без особых успехов (Hensel W., 1950, s. 71–74).

Несмотря на расхождение во взглядах на назначение гончарных клейм, все исследователи единодушны во мнении, что эти знаки являются характерной особенностью славянского мира (Дончева-Петкова Л., 1980; Černohorsky K., 1953; Kołos-Szafrańska Z., 1949–1950). Помимо этого, отмечается однообразие рисунков клейм на всей территории их распространения. Совокупность знаков на любом из исследуемых объектов почти всегда составляет три категории: знаки, отождествляющие солярные символы, знаки Рюриковичей (на территории Румынии и Болгарии – знаки руны), буквы.

Анализируя объемные собрания гончарных клейм, исследователи неоднократно предпринимали попытки систематизировать знаки. В основном все усилия были направлены на то, чтобы из общего количества выделить, а потом объединить морфологически родственные разновидности знаков. Так, по материалам Плиснеска М.П. Кучерой было выделено пять больших совокупностей клейм: крестообразные, квадратные, круглые, знаки Рюриковичей, а все остальные, не вошедшие в первые четыре группы, объединены в условную группу до накопления материала (Кучера М.П., 1960, с. 12–121). Аналогичную систематизацию предложила М.Д. Полубояринова по данным золотоордынской керамики, выделив 20 групп знаков (Полубояринова М.Д., 1980, с. 165–212), без разработ-

[1] Известны также публикации знаков на ранне- и позднесредневековой глиняной посуде, происходящей с территорий, весьма отдаленных от славянского ареала (Buko A., 1988, s. 3–12; Lepówna B., 1962, s. 235–239

ки типологических рядов. В этой ситуации особую значимость приобретает классификация гончарных клейм Биляра, где на основании иерархической классификации знаков по степени усложнения их конфигурации А.Ф. Кочкина (1983, с. 69–92, рис. 2) выделила 28 групп клейм, которые подразделяются на 57 типов и подтипов.

Известны попытки систематизации гончарных клейм, осуществленные по материалам Центральной Европы. Среди огромного количества знаков, выявленных на памятниках Румынии, М. Комша выделяет две большие категории клейм по функциональному назначению: 1) имеющие магическое значение и 2) отражающие социальное положение гончара, а именно зависимость от князя или феодала (Комша М.О., 1961, с. 449–461; Comsa M., 1961, p. 292–303). Морфология знаков лежит в основе систематизации клейм с раннесредневековых памятников Чехии – выделено восемь типов знаков и их вариантов: круг, крест в круге, круг с шестью – восемью радиусами, звезда, свастика, прямоугольники, антропоморфные (Vaňa Z., 1973, p. 196–217). По аналогичному принципу подразделены клейма с территории Польши, где, например, по материалам Кракова различают шесть групп знаков (Wałowy A., 1979, s. 52, rys. 11), Крушвицы – 21 группа и 61 подгруппа (Dzieduszycki W., 1982, s. 56–59, tabl. XVIII). Кроме этого, по технике нанесения клейм в средневековой керамике Чехии и Моравии различают три большие совокупности знаков: рельефные, прочерченные и вдавленные (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 82–98, obr. 25–32)[2].

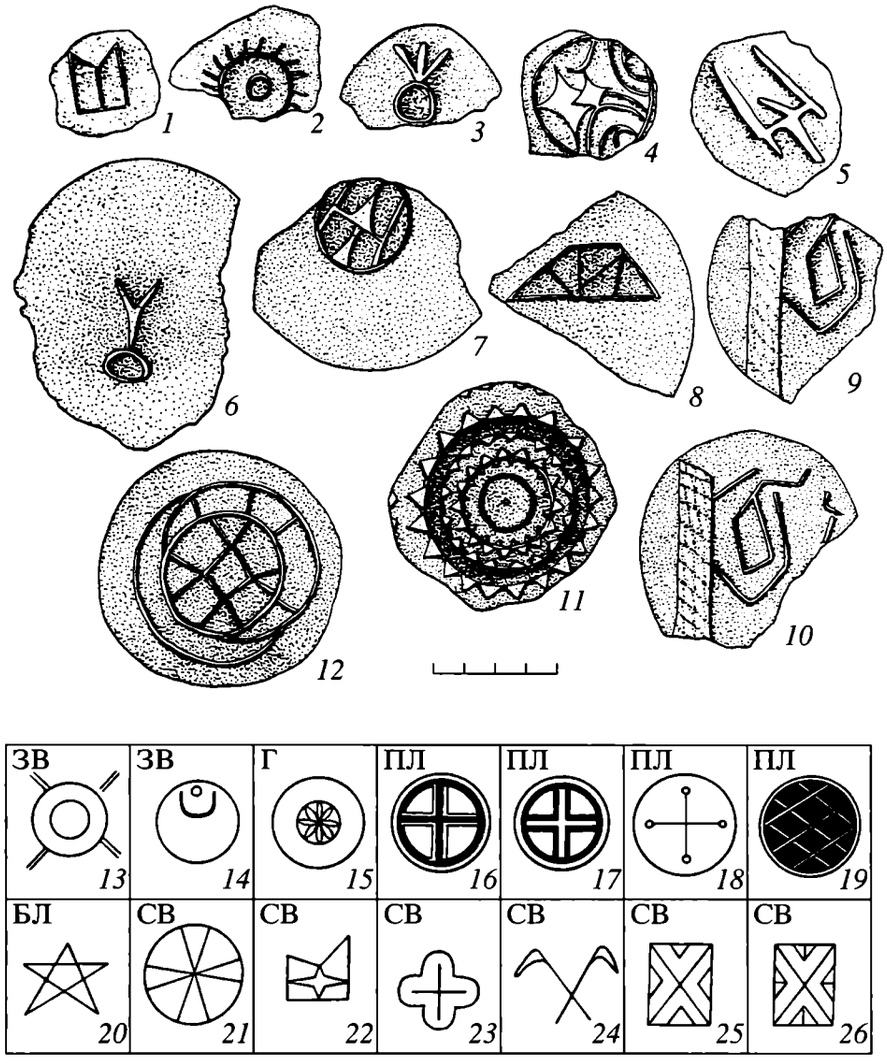
По материалам Прикарпатья и Волыни нами предпринята типологическая классификация гончарных клейм, в результате которой выделено шесть основных групп знаков: А – крестообразные, Б – квадратные, В – круглые, Г – из прямоугольных отрезков, Д – знаки Рюриковичей, Е – буквенные (Гупало В.Д., 1985, с. 236–242).

Все известные на сегодняшний день клейма групп А–Г как на территории Прикарпатья и Волыни, так и в других восточнославянских регионах в подавляющем большинстве связаны с солярно-аграрной символикой. Особенно убеждает в этом находка в Судовой Вишне единственного в своем роде клейма в виде двух цепов с перекрещивающимися рукоятками (рисунок, *24*). В целом клейма по своей семантике не отличаются от языческих символов, выявленных на разных предметах X–XIII вв. (Рыбаков Б.А., 1987, с. 518–656). Исходя из того, что в основу рисунка клейм положена языческая символика, отражающая тождественное мировоззрение всего славянского мира, становится понятным однообразие конфигурации клейм, которое является следствием единства славянской культуры.

Обращаясь к вопросу о функциональном назначении знаков, остановимся подробнее на полученных нами новых данных. Исследовались клейма на гончарных сосудах из Звенигорода (168 ед.) – раскопки И.К. Свешникова 1982–1992 гг., Плеснеска (153 ед.) – раскопки И.Д. Старчука 1946–1949 гг., Галича (63 ед.) – раскопки Я.И. Пастернака до 1941 г., Львова (57 ед.) – раскопки А.А. Ратыча 1955–1956 гг., Белза (52 ед.) – раскопки В.М. Петегирича 1984–1986 гг., Судовой Вишни (45 ед.) – раскопки А.А. Ратыча 1957–1959 гг., и др. При этом было установлено, что знаки, тождественные по своей конфигурации, одинаково часто встречаются на памятниках, хронологически сменяющих друг друга на протяжении X–XIII вв., а также в комплексах из разных хронологически-стратиграфических слоев в пределах одного памятника. В Звенигороде, например, знаки в виде круга, круга со спицами, креста в круге обнаружены в комплексах конца XI и XII вв. Аналогичная картина наблюдается и в погребальном комплексе у с. Берестяное на Волыни (Гупало В.Д., 1990), в Киеве, где собрано более 400 клейм (Шовкопляс Г.М., 1964, с. 56–73; Толочко П.П., 1981, с. 295), в Гданьске, где четко выделены стратиграфические ярусы (Lepówna B., 1968, rys. 24) и др. Эти факты позволяют подвергнуть сомнению мысль Б.А. Рыбакова об усложнении рисунка клейма при передаче его в наследство (Рыбаков Б.А., 1940, с. 229). В то же время на ряде памятников в отдельных объектах обнаружены клейма разных рисунков. Показательны в этом отношении жилищные комплексы Звенигорода: в жилище 23 (Ж-23) обнаружено 12 разных знаков (в том числе круг, крест в круге, ромб в круге, двузубец, триденс, буква "Р" – рисунок, *9*, *10*), в Ж-28 – семь знаков (круг, двузубец, круг с розеткой, прямоугольник в виде стилизованной буквы "М" и др.); в Ж-21 – два знака: двузубец и геометрическая фигура трапеции; в Ж-24 – также два знака (крест в круге, розетка среди концентрических кругов); в сооружении 1 – круг и прямоугольник в виде стилизованной буквы "М"; в одной из хозяйственных ям на западном пригороде – пять клейм. Эти данные являются серьезным основанием для опровержения гипотезы о существовании у каждого заказчика собственного своего знака (Розенфельд Р.Л., 1963, с. 121–130).

В пределах каждого из исследуемых городищ зафиксированы клейма самых различных конфигураций, Б.А. Рыбаков объясняет это тем, что каждый мастер имел свой знак (Рыбаков Б.А., 1953, с. 119). Согласно этому, клейма должны быть показателями индивидуального производства. Однако вместо знака, который выделил бы продукцию среди других подобных изделий, мастера во всех городах и весях в течение нескольких веков

[2] Приведенным перечнем, конечно, не ограничивается историография вопроса, однако составление полного списка работ, включая и те, где только упоминаются находки клейм, не являлось задачей настоящего исследования.



Гончарные клейма с территории Прикарпатья и Волыни. *1–11, 13, 14* – Звенигород; *15* – Галич; *12, 16–19* – Плиснеск; *20* – Белз; *21–26* – Судовая Вишня.

ставили клейма одних и тех же очертаний. В то же время на всех объектах посуда с клеймами, за редкими исключениями, составляет незначительное количество: в Звенигороде – 6.7%, Судовой Вишне – 9.2%, Плиснеске – 21%, Листвине – 6.7%, в Гринчуке – 8% (Пачкова С.П., Петрашенко В.О., 1982, с. 62), Киеве – 7.5% (Ивакин Г.Ю., Степаненко П.Я., 1985, с. 87), Биляре – 1–5% (Кочкина А.Ф., 1983, с. 70), Старой Рязани и Пронске – 1%, Старой Ладоге и Пскове не менее 1–2%, Вщиже – 5%, Гнездово – 15% (Тухтина Н.В., 1960, с. 149), Полоцке – 9% (Штыхов Г.В., 1978, с. 111)[3].

Проведенные исследователями наблюдения показали, что разное количество знаков как в отдельных городах, так и в пределах отдельных хронологических отрезков (например, в культурных слоях Гданьска с дендродатами: 980 г. – 11.6%, 1020 г. – 6.9%, 1065 г. – 22.5%, 1090 г. – 7.8%, 1140 г. – 14.5%, 1160 г. – 6.3%, 1205 г. – 13.3%, 1255 г. – 6.6%) не прослеживается какой-либо закономерности (Buko A., 1982, s. 96; Lepówna B., 1968, s. 141). В то же время подавляющее большинство сосудов, не уступающих клейменым по качеству, оставалось без меток. Если, следуя Б.А. Рыбакову, и дальше считать, что посуду без знаков и клейменые сосуды изготовляли разные гончары (даже с учетом, что мастер мог иметь несколько съемных подставок с тождественным, но разного размера рисунка знаком – Кучера М.П., 1960, с. 122), приходим к выводу о существовании в древнерусских городах большого количества гончаров, что представляется маловероятным. По этому поводу П.П. Толочко отмечает, что "...в X–XIII вв. (гончарство) развилось на ремесленной основе, предполагавшей укрупнение и концентрацию гончарного производства в руках определенных групп мастеров. Даже в таком крупном городе, как Киев, мастерских по изготовлению глиняной посуды, видимо, было немного, но они выпускали большое количество про-

[3] Ср.: на территории Польши: во Вроцлаве – 4% (Kramarek J., 1959, s. 222), Туме-Ленчице – 10%, Бискупине – 10%, Гданьске – от 5 до 14.5%, а в Ополе – 30–50% (Lepówna B., 1968, s. 135, 136); Кракове – 50% (Żaki A., 1950, s. 700–702); Дорогичине – менее 3%, Черске – более 3%, Перемышле – около 9%, Сандомире – более 60% (Buko A., 1982, s. 82, 83).

дукции, удовлетворявшей потребности в ней жителей города и ближайшей округи" (Толочко П.П., 1981, с. 295). Еще более подвергает сомнению тезис "клейма – знаки ремесленников" их однотипность на всех славянских землях, а не только в одном городе. Даже предположение Н.В. Тухтиной, что однотипность знака вызвана связью гончаров с огненной стихией производства (Тухтина Н.В., 1960, с. 155) неубедительно (если знак – магический символ, то использование его в качестве личного клейма, служившего для выделения данной продукции из общей массы, не имело смысла).

Вероятно, это обстоятельство уже было учтено в последней из недавно выдвинутых гипотез, трактующих гончарные клейма с позиций магических символов. Приписывая знакам магические свойства оберегов, призванных содействовать мастерам в изготовлении и сбыте продукции, П.П. Толочко акцентирует внимание на том, что знаком метился только один (первый) горшок из каждой партии сосудов, для каждой очередной партии гончар "изобретал" новый знак (Толочко П.П., 1981, с. 298). Согласно этому, с одним мастером можно связывать определенный набор таких "изобретенных" знаков, но непременно различных рисунков. Закономерно сразу возникает вопрос, как много один мастер мог изобрести разных по рисунку знаков? И рентабельным ли было изготовление многих подставок ради одного оттиска? Вероятнее, всего, мастер вынужден был неоднократно использовать ранее "изобретенные" знаки. При этом вряд ли он делал новый негатив-подставку (разве что старая матрица вышла из строя). То, что мастер использовал подставку неоднократно, подтверждают довольно редкостные на сегодняшний день находки клейм, оттиснутых с одного негатива, выявленные, например, на Киевском Подоле (от 2 до 22 серий – Сагайдак М.А., 1991, с. 119), в Звенигороде (3 серии), Гданьске (около 40 серий – Lepówna B., 1968, s. 137). Однако в подавляющем большинстве встречаются знаки тождественных очертаний, но оттиснутые в разных матрицах, которые с большей вероятностью есть основания связывать с разными мастерами. Исходя из фактического количества таких знаков (без учета клейм на нераскопанной площади памятников), гончаров должно было бы быть очень много (даже если механически разделить количество клейм, известных на каждом объекте, на количество веков, на протяжении которых они были распространены). Таким образом, идя по новому кругу предположений, которые вызывают больше вопросов, чем объясняют сущность проблемы, опять возвращаемся к старому вопросу избытка гончаров в одном месте.

Выявленные на прикарпатских и волынских памятниках гончарные клейма зафиксированы на днищах небольшого диаметра (Звенигород – 90–120 мм; Судовая Вишня – 70–100 мм; Галич – 90–110 мм; Плиснеск – 90–110 мм; Белз – 80–110 мм; Берестяное – 80–120 мм), которые, вероятнее всего, принадлежали кухонным и столовым горшкам. На больших сосудах с диаметром днища более 120 мм, которые могли использоваться для хранения и транспортировки продуктов, клейма встречаются крайне редко. По возможности была определена толщина днищ, которая сравнивалась с толщиной стенок сосудов. Наблюдения показали, что клейменые горшки в подавляющем большинстве имели толщину дна, равную толщине стенок (Звенигород – 5–6 мм; Судовая Вишня – 6–8 мм; Галич – 5–6 мм; Плиснеск – 5–6 мм; Белз – 5–6 мм; Берестяное – 5–6 мм). В отдельных случаях толщина дна колебалась на 1–2 мм больше или меньше толщины стенок и только изредка была значительно (максимально – вдвое) толще общепринятых стандартов. Согласно этому, клейменые сосуды в плане техники изготовления представляются качественными изделиями с тщательно сформованным тонким дном. Часто такие горшки (где сохранилась верхняя часть) украшены широкой орнаментальной полосой по плечикам сосуда на всю их высоту. Примером могут служить сосуды из Гданьска, где клейма массово отмечены именно на густо украшенных по всему тулову горшках, вероятнее всего, принадлежавших к столовой посуде (Lepówna B., 1968, rys. 33, *f*, *c*, *l*; 35, *d*, *t*; 36, *b*; 37, *f*; 43, *c*; 44, *d*, *h*; 50, *n*, *l*).

Таким образом, клейма ставились на наиболее распространенных видах домашней утвари – столовых и кухонных горшках. Добавим, что клейма известны на днищах цедилок (Плиснеск), на такой исключительно столовой посуде, как миски (Моравы в Куявии – Jażdrżewski K., 1937, rys. 1, 4; Звенигород), а также на парадной краснолощеной московской керамике конца XIII – начала XVI в., в том числе на кувшинах-кружках (Розенфельд Р.Л., 1968, с. 12–18, табл. 3, *9*), на сосудах XIV в., покрытых изнутри зеленой и желтоватой поливой (Żaki A., 1950, s. 700–702); показательно присутствие клейм на днищах кумгана и чернолощеного кувшина (Розенфельд Р.Л., 1968, с. 24, 48, табл. 5, *12*; 8, *23*), на амфорках "киевского типа", которые ставились на стол (Штыхов Г.В., 1978, с. 111), а также на крышках (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 86). Неоднократно отмечены клейма и на днищах звенигородских мисочек-светильников XII в. и на голосниках, широко используемых в культовых монументальных сооружениях (Каргер М.К., 1958, с. 464).

Попытаемся выяснить, что представляли собой эти знаки и для чего они наносились на гончарные изделия.

Гончарные клейма на Руси появляются в конце IX в. (Комша М.О., 1961, с. 454)[4]. Широкое рас-

[4] Наиболее ранние, надежно датируемые VIII в., образцы клейм известны на территории юго-западной Словакии, Венгрии, Австрии (Točik A., 1962, s. 347–380; Eisner J., 1966, s. 174; см. там же литературу).

пространение они получают в X–XII вв., в XIII в. количество их заметно сокращается, а в XIV в. встречаются лишь единичные находки. В начале настоящего изложения было отмечено, что большинство клейм по своей семантике связано с языческой солярно-аграрной символикой. Б.А. Рыбаков неоднократно отмечал, что через всю систему языческого мировоззрения красной нитью проходит культ солнца-огня, которое дарует жизнь. Отсюда солярные знаки могут быть графическими символами бога Хорса – "ока света" и Дажьбога-Солнца (сына бога Стрибога). Вторая тема, которая одновременно широко почиталась у славян, – это культ плодородия, олицетворением которого была Богиня Макош – "мать урожая". Эти божества рядом с другими, составляющими основу языческого пантеона 980 г., давали всеохватывающее представление о Вселенной, которая графически отображалась в унифицированной, выработанной на протяжении столетий системе солярных знаков, знаков плодородия, воды и т.д. Точным соответствием этим символам наряду и в сравнении с другими предметами являются рельефные знаки на днищах гончарных горшков.

Интересно, что с массовым распространением гончарных клейм, которые содержали языческую символику, совпадает во времени введение христианства на Руси. Эти два независимых явления по мере усложнения социально-культурной жизни общества в дальнейшем, видимо, имели грани соприкосновения, что было вполне возможно в условиях двоеверия. При этом язычество постепенно трансформировалось, одновременно видоизменяя наиболее важные обрядовые установления и догматы христианства. "...Каждый народ, воспринимая чужое, заботится прежде всего о совершенствовании своих собственных традиций. С этой точки зрения, заимствование представляет собой включение элементов другой культуры в сложившуюся структуру культуры национальной, и критерием, обусловливающим их отбор, является содержание последней" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 311). В свою очередь церковь стремилась постепенно вытеснить древние обряды или видоизменить их согласно христианской догматике. В результате некоторые церковные праздники совпали с бывшими языческими. Если ни в церковном календаре, ни в священном писании не было соответствующего события, день языческого праздника связывали с именем христианского святого или каким-либо "чудом" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989б, с. 315).

Вполне поэтому закономерно, что в течение X–XIII вв. эти процессы повлияли и на идейную нагрузку клейм, символика рисунков которых отображала (не могла не отображать!) сосуществование и взаимовлияние священнодействующих сил языческого и христианского миров. Обращаясь к вопросу о сущности языческого пантеона славянства, Г. Прошин отмечал, что сам процесс обожествления у славян не имел иерархической системы, "а если она и возникала, то это была... "зыбкая иерархия", иерархия сиюминутной религиозной потребности. Существовала "специализация" богов, но и она четких границ, как правило, не знала" (Прошин Г., 1989, с. 98). Таким образом, даже когда имена многих языческих богов были заменены христианскими, впрочем тождественными по своей сути (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 308), то и тогда празднование (или обожествление) происходило согласно древним традициям, т.е. основные священнодействующие силы как язычества, так и христианства непременно имелись в виду во время каждого праздника. В этом плане, возвращаясь к клеймам, которые представляются символами этих священнодействующих сил обоих вероучений, приходим к выводу, что каждый знак являл собой совокупный символ этих основных божеств, поэтому простое клеймо в виде знака-основы (круга, креста, квадрата и т.д.) и клеймо сложной конфигурации, образованной двумя и больше простыми знаками (крест в круге, крест в квадрате, концентрические круги и т.д.) видятся в одинаковой степени идейно содержательными.

Какой-нибудь праздник, не только узкосемейный, но и общесельские или общеплеменные многолюдные сборы начинались каждой семьей в своем доме, а потом выносились вовне, в места общего "мирского схода". Внутри каждого дома "глава семьи выполнял функции жреца и руководил всем праздничным церемониалом" (Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а, с. 308)., При этом домашнему священнодействию были подчинены и вещи ежедневного употребления, служащие для осуществления определенных ритуалов. Трудно предположить, чтобы какое-либо празднование обошлось без застолья, а значит, и без посуды. По такому случаю, следует думать, использовали и праздничную посуду, вероятно, клейменую.

На территории Польши на поселении XII – первой половины XIII в. в Стжельцах обнаружена гончарная миска с рельефным латинским крестом на внутренней поверхности дна. Аналогичный знак известен на сосуде рубежа XI/XII вв. из Бялой Парцеле. Функциональное назначение сосудов связывается с ритуальными действиями, возможно, причастием (Makiewicz N., 1973, s. 217). Как культовые предметы определяются глиняные выпуклобокие кружки с воронковидной горловиной, имеющие на внутренней поверхности дна изображения креста. Такие сосуды в VIII–IX вв. были распространены в Византии. С XI в. большое количество аналогичных кружек известно в Болгарии, Румынии, Северном Причерноморье, в хазарском Саркеле и в некоторых городах Киевской Руси, где активно действовали византийские миссионеры. Согласно

письменным источникам, из аналогичной посуды поили молоком после обряда евхаристии и миропомазания взрослого новокрещенца из варваров. Этот обряд символизировал: 1) обращение взрослого новокрещенца в младенца, в результате чего он начинал питаться молоком учения, и 2) приобщение к истинной вере, что было равноценно раю (Византийская керамика..., 1985, с. 8). С ритуальным действием, без сомнений, связана деревянная чаша-потир из Звенигорода (Свешніков І.К., 1986, табл. XIX, *6*), аналогии которой известны среди металлических (бронзовых, серебряных, золотых) церковных чаш для причастия. Интересно, что на днище потира извне прочерчен знак креста, который перекрывается косым крестом – языческим солярным символом. На наш взгляд, аналогичное звенигородской находке назначение имеют остатки деревянного ведра, на дне которого лежал деревянный черпачок, выявленные в одном из погребений второй половины IX в. в Десятинной церкви в Киеве (Голубева Л.А., 1949, с. 109). Днище черпачка украшала серебряная розетка – крест, перекрытый косым крестом. С обрядовой трапезой связываются глиняные миски с прочерченным рисунком креста на внутренней поверхности стенок (Lepówna B., 1968, s. 40, rys. 36, *u l*, *w l*). К этой же категории, вероятно, следует отнести и сосуд середины X в. из Сантока, на внутренней стенке которого в области плечика была помещена латинская буква "P" (Makiewicz N., 1973, s. 219), фрагмент сосуда из Стырменав Болгарии (из комплекса, датированного монетой 1255–1259 гг.), на внутренней поверхности дна которого прочерчен крест с пятью сквозными дырочками в центре и на краях (Dymaczewska U., 1980, tabl. XI, *10*), фрагмент крышки из Любятувка (Польша), на шишечке которой прочерчен крест с поперечными черточками на концах (Hensel W., 1959, rys. 160). Здесь уместно вспомнить о находках деревянных мисок и тарелок в жилищных комплексах XII в. из Звенигорода, на днищах которых как изнутри, так и снаружи прочерчены крестообразные и более сложные (например, косой крест в квадрате) знаки (Свєшніков І.К., 1983; 1985). Таким образом, на клейменой посуде нашло отражение сочетание содержания и формы единого в сущности обряда двух мировоззренческих систем – христианской и языческой. Употребление еды во время праздничных семейных трапез из мисок, горшков, кувшинов, кумганов, кружек и т.д., помеченных знаком, олицетворяющим собой божественный символ, также было своего рода приобщением к святым таинствам. Присутствие клейм на светильниках также связано с ритуалом священнодействия, как в домах, так и в храмах (фрагменты клейменого светильника обнаружены на остатках деревянной церкви в Звенигороде (Swiesznikow I., Hupało W., 1996, s. 185–187, rys. 7, *13*). Клейменые керамические изделия использовались в разных ситуациях и сейчас трудно определить все эти случаи[5], но обрядовая сущность их была единой – приобщение к божьей благодати как в христианском, так и в языческом понимании.

Изделия с гончарными клеймами не изготавливались в массовом количестве, как обычная посуда. Выпуск их приурочивали, вероятно, к определенным праздникам. Каждый мастер имел для этого несколько съемных подставок для круга с разными знаками, с которых делал необходимое количество оттисков. Это, кажется, подтверждает находка семи разных знаков в одной мастерской (Цыбин М.В., 1987, с. 15), а также серии оттисков с одной матрицы. В обычные дни гончар изготовлял посуду без клейм, поэтому клейменые изделия так немногочисленны на общем фоне гончарной продукции.

Что касается так называемых "княжеских знаков", то исследователи, как правило, единодушны – "знаки Рюриковичей" определяют характер взаимоотношений князя и его собственного мастера. На наш взгляд, не все знаки княжеские. Особенно это касается изображений схемы двузубца или триденса, выполненных в двоякой манере – "птичьей лапы" и "вил". Такие знаки, тождественные по конфигурации, известны во всех славянских землях. Символами каких князей могли быть эти одинаковые клейма, встречающиеся на протяжении VIII–XIII вв.? Судя по находкам действительно княжеских знаков на перстнях (Володченко З.А., 1951, с. 62–67; Янин В.Л., 1955, с. 39–46; 1956, с. 8; Якубовський В.І., 1975, с. 87–104; Ратич О.О., 1976, с. 185; Макарова Т.И., 1988, с. 241–246), не подлежит сомнению, что наиболее простые изображения двузубца и триденса послужили моделью для модификации знаков, но сами не были княжескими символами. Убеждают в этом находки гончарных клейм в виде двузубца или триденса в сочетании с солярным кругом (Дорогобуж – Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М., 1996, рис. 84, *26*; Ленковцы – Тимощук Б.А., 1982, рис. 12, *6*; Григоровка – Петрашенко В.А., 1992, рис. 6, 2; Звенигород), что не характерно для княжеских знаков. Связь двузубца и триденса с солярным символом видится не случайной: это явление находит свое объяснение, если обратиться к символам языческой семантики.

Так, с солярным культом у многих народов, в том числе и у славян, связан образ коня (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 103). Конь символизировал солнце. Б.А. Рыбаков объясняет это древними представлениями о ходе движения небесного светила – "кони Феба влекут солнечную колесницу от востока к западу" (Рыбаков Б.А., 1987, с. 469). Исследователи отмечают связь культа солнечных коней с царскими династиями: братья-близнецы, сыновья отца-солнца рассматривались в качестве

[5] Пока что уникальна находка погремушки из Крушвицы, клейменной солярным кругом (Kostrzewski J., 1968, s. 217, tabl. II, 5).

основателей царской власти (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 104). Художественный образ коней переродился в сарматскую эпоху в тамгу (Соломоник Э.И., 1959, с. 21–25), которая в многочисленных модификациях применялась боспорскими царями (Драчук В.С., 1978). Наряду с этим исследователи склонны считать, что иконография образа коней возникла у разных индоевропейских народов независимо. О существовании подобного культа на Руси свидетельствует распространение в X–XIV вв. в северных и центральных районах зооморфных подвесок с одной или двумя фигурками коней (Рябинин Е.А., 1981, с. 78), конфигурация которых очень близка к схематизированному рисунку двузубца и триденса. Находки глиняных фигурок коней, украшенных циркульным орнаментом, выявлены на городище X–XI вв. в Екимауцах (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981, с. 78). В Ополе в культурном слое 1040–1075 гг. обнаруженная фигурка коника из березовой коры была украшена косым крестом и обернута лентами серебряной фольги (Hołubowicz W., 1966, рис. 126). Как отзвук древних традиций глиняные игрушки-коники, расписанные солярными звездами, были распространены еще в XV–XVII вв. (Рабинович М.Г., 1947, с. 71; Фехнер М.В., 1949, с. 55).

Считается, что конь был неотъемлемым атрибутом Великой сельской богини, поэтому он с древнейших времен был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность (Носова Г.А., 1975, с. 46). Итак, исходя из сказанного выше наиболее простые рельефные изображения триденса и двузубца на днищах горшков наряду с клеймами, содержащими солярные знаки и знаки плодородия, представляются непосредственно связанными с солярно-аграрной семантикой. В свое время к аналогичному выводу пришла Э.И. Соломоник относительно знаков на посуде сарматской эпохи (Соломоник Е.I., 1962, с. 166).

В то же время видится вполне закономерным применение правящей династией древнерусских князей, подобно боспорским царям, знака двузубца и триденса в качестве родовой (династической) тамги. Княжеские же знаки отличаются от безликих символико-магических знаков персонифицированными и более сложными очертаниями. В свете этого отождествление гончарных клейм со знаками Рюриковичей представляется возможным лишь при проведении идентификационных параллелей. Что же касается функционального назначения настоящих знаков Рюриковичей, то гипотеза Б.А. Рыбакова о том, что знаки отражают взаимоотношения князя и его мастера, продолжает оставаться наиболее аргументированной.

В заключение остановимся вкратце на способах и приемах оттисков знаков. Исследователи единодушны во мнении, что негатив клейма, как правило, вырезался на съемной подставке (впервые эту мысль высказал еще Й. Костжевский – Kostrzewski J., 1925, s. 117–130). Но до сих пор продолжает оставаться дискуссионным вопрос о способах крепления такой подставки к гончарному кругу. А. Буко, например, считает, что ее прибивали гвоздями или деревянными колышками к щитку круга (Buko A., 1982, s. 85). Возможно, это подтверждает находка днища сосуда из Гнезно со следами четырех таких колышков (Kostrzewski J., 1962, s. 233, рис. 199). Впрочем, подставка, вероятно, могла крепиться разными способами (Rzeznik R., 1992).

А.А. Бобринским были проведены интересные исследования, проливающие свет на технику нанесения знаков. По следам матриц им выделены четыре группы оттисков клейм, а по особенностям следов фактуры подставки с вырезанным негативом – десять групп разновидностей следов (Бобринский А.А., 1972, с. 183–190). Аналогичное трассологическое изучение прикарпатских и волынских клейм еще не проводили, но в результате визуальных наблюдений удалось установить следующее. В подавляющем большинстве клейма представляют собой тщательно оттиснутые знаки, выполненные тонким, высоким рельефом (1.0–1.5 мм) с матриц, вырезанных на деревянной плоскости (группа 1, по А.А. Бобринскому). По мере изношенности матрицы оттиски все равно получались довольно четкими, но с несколько расплывшимися слабопрофилированными очертаниями. Из второй совокупности следов, выделенных А.А. Бобринским по фигуре подставки, очень хорошо фиксируются поперечные трещины на подставке и следы растрескивания древесины между годичными уплотнениями (группы 2–3, по А.А. Бобринскому), которые нередко искажали рисунок знака. Тщательность изготовления матрицы и часто довольно сложный рисунок негатива знака свидетельствуют, что клеймение посуды у гончаров Прикарпатья и Волыни занимало важное место в технологии производства посуды, во всяком случае к нему относились очень серьезно. Помимо высокого мастерства тонкой резьбы матриц в самих рисунках знаков отразился творческий подход гончаров к традициям графического выражения символов. Как результат проявления эстетических вкусов мастера рождались удивительно красивые, неповторимые по рисунку знаки – своего рода шедевры гончарного ремесла. Характерная особенность этих клейм – сочетание в рисунке знака углубленных борозд и плоскостей (относительно уровня поверхности подставки) с рельефно-выпуклыми деталями[6]. (рисунок, *11, 16, 17, 19*). Помимо упомянутых от-

[6] Интересно, что гончарные клейма, сочетающие вдавленную и рельефную поверхности, были широко распространены на памятниках в бассейне среднего Дуная: в Словакии, Моравии, Чехии, Венгрии (Nekuda V., Reichertova K., 1968, s. 86–98, obr. 32; см. там же литературу). Известны они единично, например в Кракове (Żaki A., 1950, s. 700), Вроцлаве (Kramarek J., 1959, tabl. IV, *f*).

мечены знаки со сложным рельефом узора, аналогии которым не выявлены: клеймо в виде трапеции (рисунок, *8*), буквы "Р" (рисунок, *9, 10*)[7], винтообразных кругов (рисунок, *12*), комбинации полукругов и ромбов (рисунок, *4*), стилизованного цветка с лепестками (рисунок, *2*) из Звенигорода, клейма в виде цветка из Галича (рисунок, *15*), двойных косых крестов в прямоугольнике (рисунок, *25, 26*), перекрещивающихся цепов (рисунок, *24*) из Судовой Вишни[8]. Здесь следует еще вспомнить о довольно редких клеймах в виде букв кириллического алфавита, происходящих из Звенигорода (буквы "И", "Р"), Ступницы (буква "Я" – Кобільник В., 1936, с. 1–11), Коршева (буквы "А", "В", "Д", "Ж" – Leski Z., 1937, rys. 3, s. 109), Перемиля (буква "Ж"), Пересопницы (буква "П" – Терський В.С., Терський С.В., 1990, с. 89–91), Ленковцев (буква "Ж" – Тимощук Б.А., 1982, с. 27), Чорнивцев (буква "S" – Возний І., 1998, с. 83, фото 54), Луцка (буква "Е" – Кучінко М.М. и др., 1992, с. 8), Галича (буква "И" – Ткачук Т.М., Тимус К.Л., 1997, с. 52, рис. 32).

Оригинальный характер рисунков гончарных клейм юго-западной Руси свидетельствует не только о творческом подходе гончаров к технике их нанесения, но, в первую очередь, и о существовании широко развитой системы символической графики, отражающей логику гармоничного мировосприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А., 1972. О некоторых результатах трасологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М.

Византийская белоглиняная расписная керамика IX–XII вв., 1985. Сост. Залевская В.Н. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. Л.

Возний І., 1998. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці.

Володченко З.А., 1951. Перстень-печать XII в. // КСИИМК. Вып. XXXVI.

Гензель В., 1986. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII–XI вв.) // Славяне и скандинавы. М.

Голубева Л.А., 1949. Киевский некрополь // МИА. № 11. Т. 1.

Гупало В.Д., 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. № 4.

Гупало В.Д., 1990. Отчет о результатах работы Киверцевского отряда Волынской экспедиции // НАИУ НАНУ. Оп. 1. № 622.

Дончева-Петкова Л., 1980. Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII–X век. София.

Драчук В.С., 1978. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Здановіч Н.І., Трусаў А.А., 1993. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII ст. Мінск.

Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я., 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.

Кобільник В., 1936. Знаки на днах посудин княжої доби зі Ступниці пов. Самбір // Літопис Бойківщини. Ч. 8. Р. VI.

Комша М.О., 1961. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. T. V.

Котляревский А.А., 1865. Заметки к статье гр. К.П. Тышкевича "Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина" // Труды Московского археологического общества. Т. 1. М.

Кочкина А.Ф., 1983. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989а. Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М.

Крянев Ю.В., Павлова Т.П., 1989б. Народный природный календарь // Как была крещена Русь. М.

Кузьмина Е.Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Кучера М.П., 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИА АН УССР. Вып. 10.

Кучінко М.М., Охріменко Г.В., Терський С.В., 1992. Скарби минувщини. Луцьк.

Макарова Т.И., 1988. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М.

Мансуров А.А., 1946. Старо-рязанские и пронские гончарные клейма // СА. Вып. VII.

Носова Г.А., 1975. Язычество в православии. М.

Пачкова С.П., Петрашенко В.О., 1982. Вивчення кераміки давньоруського городища коло с. Гринчук // Археологія. № 39.

Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Полубояринова М.Д., 1980. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.

Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М., 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. Рівне.

Прошин Г., 1989. Второе крещение // Как была крещена Русь. М.

Рабинович М.Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XV–XVII вв. // МИА. № 7.

Ратич О.О., 1976. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленності // Населення Прикарпаття і Волині в епоху розкладу первіснообщинного ладу та давньоруський період. Київ.

Розенфельд Р.Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах // СА. № 2.

[7] Витиеватое изображение латинской буквы "Р" известно из Сантока на побережье Пакоского озера. К сожалению, в публикации отсутствует рисунок (Makiewicz N., 1973. s. 219).

[8] Изображение, напоминающее перекрещивающиеся цепы, известно на клейме из Полоцка (Здановіч Н.І., Трусаў А.А., 1993, мал. 3, *1*).

Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. // САИ. Вып. Е 1–39.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.

Рыбаков Б.А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XIII вв. // СА. Вып. 6.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–60.

Сагайдак М.А., 1991. Давньокиївський Поділ. Київ.

Свєшніков І.К., 1983. Звіт роботи Звенигородскої археологічної експедиції в 1983 р. // НАИУ НАНУ. Опис 2. № 1003.

Свєшніков І.К., 1985. Звіт роботи Звенигородскої археологічної експедиції в 1985 р. // НАИУ НАНУ. Опис 2. № 1076.

Свєшніков І.К., 1986. Звіт роботи Звенигородської археологічної експедиції в 1986 р. // НАИУ НАНУ. Опис 2. № 1115.

Соломоник Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Соломоник Е.І., 1962. Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП УРСР. Т. XI.

Терський В.С., Терський С.В., 1990. Нові матеріали з розкопок літописьної Пересопниці та її околиць (1987–1988 рр.) // Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Львів.

Тимощук Б.А., 1982. Древнерусская Буковина. Киев.

Ткачук Т.М., Тимус КЛ., 1997. Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. Галич.

Толочко П.П., 1981. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев.

Тухтина Н.В., 1960. Средневековые славянские гончарные клейма // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 37. М.

Тышкевич К.П., 1865. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Труды Московского археологического общества. Т. 1. М.

Фехнер М.В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. № 12.

Цыбин М.В., 1987. Юго-Восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Шовкопляс Г.М., 1964. Знаки на давньоруському посуді з Києва // Археологія. Т. XVII.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Якубовський В.І., 1975. Давньоруський скарб із с. Городище Хмельницької області // Археологія. Вип. 16.

Янин В.Л., 1955. Древнейшая русская печать X в. // КСИИМК. Вып. 57.

Янин В.Л., 1956. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. Вып. 62.

Buko A., 1982. Czytelność znaków garncarskich a zagadnienie ich funkcji // AP. T. XXVII. Z. 1.

Buko A., 1988. Wczesnośredniowieczne znaki garncarskie z terenu Francji // Kw. HKM. R. 34. № 1.

Buko A., 1999. Znaki na dnach naczyń z ośrodków wczesnomiejskich: zagadnienie funkcji // История и культура древних и средневековых славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 5. М.

Černohorsky K., 1953. Keramika a feodalismus // Česki Rocnik. № 40.

Comşa M., 1961. Cu privire la semnificatia marcilor de dar din epoca feudal timpurie // SCIV. T. XIII. Z. 2.

Dynaszewska U., 1980. Wieś późnośredniowieczna XII–XIV w. // Styrmen nad Jantrą (Bulgaria) i badania archeologiczne w latach 1961–1964 i 1967–1968. Warszawa.

Dzieduszycki W., 1982. Wczesnomiejska ceramika w okresie od 2 połowy X w. do połowy XIV w. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Eisner J., 1966. Rukověť slovanske archeologie. Praha.

Hensel W., 1950. Metoda datowania ceramiki wczesnodziejowej na podstawie znaków garncarskich na dnach nacyń // Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU. T. LI. № 2.

Hensel W., 1959. Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej. T. III. Warszawa.

Hołubowicz W., 1947. Z dziejów garncarstwa na ziemiach polskich // ZOW. R. 16. Z. 1–2.

Hołubowicz W., 1966. Opole w wiekach X–XIII. Katowice.

Jażdrżewski K., 1937. Interesujące zabytki z czasów piastowskich na Kujawach // ZOW. Z. 9–10.

Kołos-Szafrańska Z., 1949–1950. Z badań nad znakami garncarskimi z okresu wczesnodziejowego // Slavia Antiqua. T. II.

Kołos-Szafrańska Z., 1953. Z badań nad znakami garncarskimi z terenu ziem polskich // WA. T. XIX.

Kołos-Szafrańska Z., 1961. Z badań nad garncarstwem wczesnośredniowiecznym. Analiza ceramiki z Biskupina pow. Znin stan. 6 // Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie. Wroclaw; Warszawa; Kraków.

Kołos-Szafrańska Z., 1966. W odpowiedzi na recenzję S. Suchodolskiego // AP. T. XI. Z. 2.

Kostrzewski J., 1925. Znaki na dnach naczyń wczesnohistorycznych z Wielkopolski // Obzor prahistoricky. T. IV.

Kostrzewski J., 1962. Kultura prapolska. Warszawa.

Kostrzewski J., 1968. Grzechotki wczensnośredniowieczne bez polewy // AP. T. XIII, 1.

Kramarek J., 1959. Znaki garncarskie na ceramice wrocławskiej z XII i początku XII w. // Silesia Antiqua. T. 1.

Krandžalow D., 1963. Svedectvi keramiki a značek // Acta universitatis Palackianae Olomucensis. Historia. T. IV.

Lepówna B., 1962. Kilka uwag o znakach garncarskich na marginesie pracy I. Kirkmana "Potter's Marks from Medieval Arab Sities in Kenya" // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. № 9.

Lepówna B., 1968. Garncarstwo Gdanskie w X–XIII wieku. Gdańsk.

Leski Z., 1937. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie pow. łuckim, woj. Wołyńskim // PA. T. VI. Z. 1.

Mackerle J., 1955. Slovanské zasobnice // Archeologicke Rozhledy. R. VII.

Makiewicz N., 1973. Przyczynek do problematyki wczesnoś redniowiecznych znaków garncarskich // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. № 20.

Nekuda V., Reichertova K., 1968. Středoveka keramika w Čechach a na Moravě. Brno.

Rzeżnik R., 1992. Uwagi na temat funkcji nakładki na tarczę koła w garncarstwie wczesnoś redniowiecznym na ziemiach polskich // St. A. № 22.

Suchodolski S., 1966. W sprawie wykorzystywania źródeł numizmatycznych w badaniach nad znakami garncarskimi // AP. T. XI. Z. 2.

Swiesznikow I., Hupało W., 1996. Uwagi na temat chronologii obiektów na grodzie właściwym w Dzwinigrodzie (Zvenygorod) koło Lwowa // SA. T. XLVIII.

Szymański W., 1968. Przyczynek do dyskusji nad zagadnieniem znaków garncarskich na wczesnośredniowiecnej ceramice słowiańskiej // AP. T. XIII.

Tabaczyński S., Buko A., 1981. Sandomierz. Starożytność. Wczesne średniowiecze. Rzeszów.

Točik A., 1962. Keramika so značkami na dne zo slovansko-avarských pohrebísk na juhozápadnom Slovensku // Pamatky Archeologické. T. 53. Z. 2.

Vaňa Z., 1973. Značky na keramice ze slovanských hradišt v Zabrušanach a v Bilin okr. Teplice // Archeologicke Rozhledy. T. XXV. № 20.

Wałowy A., 1979. Późnośredniowieczne garncarstwo krakowskie w świetle źródeł archeologicznych // MA. T. XIX.

Żaki A., 1950. Wawelskie znaki garncarskie // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiętności. T. LI. № 10.

Zápotocký M., 1965. Slovanské osidleni na Litomericku // PA. T. LVI. Z. 2.

Early Medieval Potter's Signs

V. D. Gupalo

Summary

A review of interpretations of the opinions concerning relief potter's signs placed on the bottoms of early medieval vessels is presented in the article; the author concentrates on the problem of the signs' function. The pottery originates from the sites of Central and Eastern Europe. New data are published obtained in the course of studying pottery assemblages from the early medieval hillforts of the Carpathian piedmont and Volyn-Zvenigorod, Plisnesk, Galich, Sudovaya Vishnya and other. It was established that only high-quality production had been marked with signs, such as pots, cups, jars, mugs, kumgan-type jugs. Potter's signs are known also on ceramic lamps, resonators, and so forth. The signs' shapes reflect the semantics of basic solar and agrarian symbols. The author supposes that such symbols were connected with ritual aspect, and ritual feast in particular. While using marked vessels, one could get divine grace, thus obtaining the protection of divine forces. The signs in shape of trident and bident accompanied by solar wheel were of the same meaning. The collection of potter's signs from the Carpathian piedmont and Volyn shows original rendering of the drawings, as well as developed representations of symbolic world outlook.